

УДК 821.161.1 – 4

Я.В. Гуртовая

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА Н.В. ГОГОЛЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ И.С. ТУРГЕНЕВА

В исследованиях о наследии И.С. Тургенева его мемуаристика упоминается не так часто. «Литературные и житейские воспоминания» (1869–1880) стали предметом внимания П.В. Анненкова, А. Бескиной и Л. Цырлина, А.Н. Островского [2, 4, 12], которые, прежде всего, отмечали мастерство писателя в создании портретов его современников. В воспоминаниях писателя одним из оригинальных и запоминающихся является портрет Н.В. Гоголя, созданный им с высоким писательским мастерством, в целом свойственном И.С. Тургеневу. Цель статьи состоит в том, чтобы установить особенности образа Н.В. Гоголя, созданного в «Литературных и житейских воспоминаниях».

И.С. Тургенев впервые встретился с Н.В. Гоголем в 1835 г. в Санкт-Петербургском университете, где слушал лекции писателя. Характерно, как И.С. Тургенев пишет об этом: Н.В. Гоголь «преподавал (!) историю». Этот восклицательный знак передает его изумление. Вероятно, служба Н.В. Гоголя профессором кафедры всеобщей истории Санкт-Петербургского университета была, по его мнению, не вполне удачной. И.С. Тургенев писал, что «это преподавание, правду сказать, происходило оригинальным образом»: «Во-первых, Гоголь из трех лекций непременно пропускал две; во-вторых, даже когда он появлялся на кафедре, он не говорил, а шептал что-то весьма несвязное, показывал нам маленькие гравюры, изображавшие виды Палестины и других восточных стран, и все время ужасно конфузился. Мы все были убеждены (и едва ли мы ошибались), что он ничего не смыслит в истории – и что Гоголь-Яновский, наш профессор (он так именовался в расписании лекций), не имеет ничего общего с писателем Гоголем, уже известным нам как автор “Вечеров на хуторе близ Диканьки”» [13, с. 26].

© Я.В. Гуртовая, 2017

<http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.843877>

И.С. Тургенев обратил внимание на несоответствие должности писателя и того образа, который возникал на основе его прекрасных произведений. Думается, и сам Н.В. Гоголь ощущал его, поскольку «на выпускном экзамене из своего предмета, – как вспоминал И.С. Тургенев, – он сидел, повязанный платком, якобы от зубной боли – с совершенно убитой физиономией – и не разевал рта. Спрашивал студентов за него профессор И.П. Шульгин. Как теперь вижу его худую, длинноносую фигуру с двумя высоко торчащими – в виде ушей – концами черного шелкового платка. Нет сомнения, что он сам хорошо понимал весь комизм и всю неловкость своего положения: он в том же году подал в отставку. Это не помешало ему, однако, воскликнуть: “Непризнанный взошел я на кафедру – и непризнанный схожу с нее!” Он был рожден для того, чтоб быть наставником своих современников; но только не с кафедры» [15, с. 75-76]. На наш взгляд, в этом фрагменте И.С. Тургеневу удалось не только верно оценить психологическое состояние Н.В. Гоголя в несвойственной ему роли преподавателя, но и подчеркнуть свойственную писателю потребность оправдаться перед современниками, иронизировавшими над его университетской неудачей.

И.Я. Айзеншток полагал, что при характеристике Н.В. Гоголя И.С. Тургенев был несправедлив в тенденциозен: он «не просто запечатлевал в них былые свои впечатления и наблюдения, но пытался осмысливать их, во-первых, сквозь призму прошедших со времени своего студенчества сорока лет, во-вторых – в свете ставшей ему с тех пор известной биографической литературы о Гоголе, воспоминаний о нем, его писем. Подтекстом всего данного эпизода было для Тургенева противопоставление гениального художника Гоголя бездарному Гоголю-профессору, противопоставление, безусловно, целиком вытекавшее из литературно-политической борьбы вокруг Гоголя, которая в конце шестидесятых–начале семидесятых годов приобретала новую остроту и значимость» [1, с. 25]. Автор отмечал, что в оценках И.С. Тургенева слышалась неприязнь по отношению к писателю как борцу «с неправдами бюрократическо-крепостнического самодержавного строя, какую неизменно давали писателю

революционные демократы, начиная с Белинского. В полемическом запале Тургенев привнес в свою характеристику Гоголя-профессора преувеличение и шарж, исказил историческую действительность» [1, с. 25-26]. Думается, в этих оценках проявилось влияние времени. Даже признав, что на воспоминания И.С. Тургенева наложили свой отпечаток позднейшие впечатления, – а это вообще свойственно мемуарам, – сложно принять обвинение И.Я. Айзенштока в политической подоплеке высказывания. Борьба вокруг Н.В. Гоголя, о которой писал А.В. Дружинин, что «наша текущая словесность изнурена, ослаблена своим сатирическим направлением» и что «против того сатирического направления, к которому привело нас неумеренное подражание Гоголю, поэзия Пушкина может служить лучшим орудием» [8, с. 61], все-таки не была такой мелочной и прямолинейной. И.С. Тургенев сам писал В.П. Боткину, что «первый знает, *ou le soulier de Gogol blesse* (как жмет сапог Гоголя)». Однако слова А.В. Дружинина он не был готов принять до конца. Он писал, что тот «о Пушкине он говорит с любовью, а Гоголю отдает только справедливость, что, в сущности, никогда не бывает справедливо» [14, с. 282]. По нашему мнению, И.С. Тургенев хорошо понимал огромное значение творчества Н.В. Гоголя для русской литературы, однако болезненно видел, как великий писатель занимается не своим делом, и именно об этом писал в воспоминаниях: «Он был рожден для того, чтобы быть наставником своих современников, но только не с кафедры». Однако, как и всякий автор воспоминаний, мог быть субъективен, и это, конечно, проявилось в книге «Литературные и житейские воспоминания».

Как известно, служба Н.В. Гоголя в Санкт-Петербургском университете была вынужденной. Во второй половине 1833 г. он узнал о создании Киевского университета, первым ректором которого стал его ближайший друг М.А. Максимович, Н.В. Гоголь пытался там получить кафедру всеобщей истории, о чем 23 декабря с воодушевлением писал Пушкину: «Я восхищаюсь заранее, когда воображу, как закипят труды мои в Киеве. Там кончу я историю Украины и юга России и напишу Всеобщую историю, которой, в настоящем виде ее,

до сих пор, к сожалению, не только на Руси, но даже в Европе, нет» [7, с. 290]. Однако эти планы не осуществились, и Н.В. Гоголь получил должность адъюнкт-профессора Санкт-Петербургского университета по кафедре всеобщей истории. Он жаловался М.П. Погодину, что на него «взвалили теперь и древнюю историю, от которой я прежде было и руками и ногами, а теперь поставлен в такие обстоятельства, что должен принять поневоле» [7, с. 345]. Заведующий кафедрой всеобщей истории и декан историко-филологического факультета И.П. Шульгин не был уверен, что Н.В. Гоголю по силам такая деятельность. А.В. Никитенко писал, что многим казался странным приход на университетскую кафедру молодого человека, «не имеющего никакого академического звания, ничем не доказавшего ни познаний, ни способностей для кафедры – и какой кафедры – университетской!» [11, с. 169]. Видимо, неуверенность в своих силах и общая атмосфера недоверия негативно влияли на настроения Н.В. Гоголя той поры.

Современники вспоминали, что лекции Н.В. Гоголя были разного уровня. И.И. Иваницкий, педагог и литератор, директор Псковской гимназии писал: «...Он вошел на кафедру и лекция началась... Не знаю, прошло ли и пять минут, как уж Гоголь овладел совершенно вниманием слушателей. Невозможно было спокойно следить за его мыслью, которая летела и преломлялась, как молния, освещающая беспрестанно картину за картиной в этом мраке средневековой истории...» [6, с. 84]. Как прекрасный рассказчик, Н.В. Гоголь умел захватить внимание аудитории. Между тем, его настроение менялось, и в следующий раз он мог сказать, что «Азия была всегда каким-то народовержущим вулканом»: «Потом поговорил немного о великом переселении народов, но так вяло, безжизненно и сбивчиво, что скучно было слушать, и мы не верили сами себе, тот ли это Гоголь, который на прошлой неделе прочел такую блестящую лекцию?.. Следующие лекции были в том же роде, так что мы совершенно, наконец, охладели к Гоголю, и аудитория его все больше и больше пустела» [6, с. 85]. Как человеку творческому, пишущему, Н.В. Гоголю было сложно заниматься пересказом уже известного, методически и

последовательно излагать материал. Так что впечатление И.С. Тургенева от лекций Н.В. Гоголя является достоверным: его разделяли и другие слушатели.

Следует отметить, что слова писателя о том, что Н.В. Гоголь пропускал лекции, все-таки являются преувеличением. Н.И. Мордовченко в статье «Гоголь в Петербургском университете», построенной на публикации новонайденных документов, писал: «К области чистого вымысла следует отнести рассказы мемуаристов о том, что Гоголь систематически пропускал свои лекции, что якобы он, как свидетельствует, например, И.С. Тургенев, “из трех лекций непременно пропускал две”. Этого не могло быть хотя бы потому, что чтение лекций контролировалось администрацией университета, и пропускать лекции без уважительных причин профессорам и преподавателям не дозволялось» [9, с. 358]. Так что некоторая субъективность в оценке преподавательской деятельности писателя все-таки была.

Мемуарный очерк И.С. Тургенева о Н.В. Гоголе имеет оригинальную композицию. Он открывается описанием встречи с Н.В. Гоголем 20 октября 1851 г., менее, чем за полгода до его кончины, в которой использован прием, помогающий передать противоречивость личности писателя. И.С. Тургенев сознательно сводит противоположные черты внешности Гоголя, используя при этом повторяющийся союз «но». «Его белокурые волосы, которые от висков падали прямо, как обыкновенно у казаков, сохранили еще цвет молодости, но уже заметно поредели; от его покатога, гладкого, белого лба по-прежнему так и веяло умом. В небольших карих глазах искрилась по временам веселость – именно веселость, а не насмешливость; но вообще взгляд их казался усталым» [15, с. 65]. И.С. Тургенев обращает внимание на характерные детали внешности писателя: «Длинный, заостренный нос придавал физиономии Гоголя нечто хитрое, лисье; невыгодное впечатление производили также его одутловатые, мягкие губы под остриженными усами; в их неопределенных очертаниях выражались – так по крайней мере мне показалось – темные стороны его характера; когда он говорил, они неприятно раскрывались и высказывали ряд нехороших зубов: маленький подбородок уходил

в широкий бархатный черный галстук» [15, с. 65]. Автор очерка подчеркивает черты, которые негативно характеризуют облик Н.В. Гоголя: «невыгодное впечатление», «неопределенные очертания», «темные стороны», «неприятно раскрывались», «нехороших зубов». Внешность противоположна всему, что И.С. Тургенев знал и слышал о Гоголе, ведь они с М.С. Щепкиным направлялись к нему, «как к необыкновенному, гениальному человеку, у которого что-то тронулось в голове», «нынешним молодым людям даже трудно растолковать обаяние, окружавшее тогда его имя». Но он произвел невыгодное впечатление: «Какое-то умное, и странное, и большое существо!» [15, с. 65]. Вместе с тем, И.С. Тургенев противопоставляет описание внешности тем впечатлениям, которые произвели на него слова писателя.

Известно, что он разделял мнение многих современников о книге Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», и к обиде Н.В. Гоголя на резкие слова А.И. Герцена о ней сочувствия не проявил. Он писал: «О “Переписке с друзьями” я сам не упомянул бы, так как ничего не мог сказать о ней хорошего» [15, с. 65]. То, что он услышал в этот день от Н.В. Гоголя, произвело на него неоднозначное впечатление. Ему оказалось близко то, что Гоголь говорил о литературе: «Он говорил о значении литературы, о призвании писателя, о том, как следует относиться к собственным произведениям: высказал несколько тонких и верных замечаний о самом процессе работы, о самой, если можно так выразиться, физиологии сочинительства; и все это – языком образным, оригинальным – и, сколько я мог заметить, нимало не подготовленным заранее, как это сплошь и рядом бывает у “знаменитостей”» [15, с. 66]. Однако точка зрения Н.В. Гоголя на цензуру была ему не близка.

И.С. Тургенев писал: «...когда он завел речь о цензуре, чуть не возвеличивая, чуть не одобряя ее как средство развивать в писателе сноровку, умение защищать свое детище, терпение и множество других христианских и светских добродетелей...», то он ощутил «затхлый и пресный дух» и «почувствовал, что между мирозерцанием Гоголя и моим – лежала целая бездна. Не одно и то же

мы ненавидели, не одно любили...» [15, с. 66]. Потому, вероятно, Н.В. Гоголь пытался уверить И.С. Тургенева, «что не может понять, почему в прежних его сочинениях некоторые люди находят какую-то оппозицию, что-то такое, чему он изменил впоследствии; что он всегда придерживался одних и тех же религиозных и охранительных начал – и, в доказательство того, готов нам указать на некоторые места в одной своей, уже давно напечатанной книге...» [15, с. 68]. Эта точка зрения Н.В. Гоголя на свои взгляды и на значение его книги закрепились в науке только в наши дни. М.С. Щепкин вспоминал, что, выслушав ответ Тургенева, Гоголь сказал: «Правда и я во многом виноват, виноват тем, что послушался друзей, окружавших меня, и если бы можно было взять назад сказанное, я бы уничтожил мою “Переписку с друзьями”. Я бы сжег ее». [17, с. 373-374].

Кульминацией мемуарного очерка И.С. Тургенева следует, на наш взгляд, считать его рассказ о статье, написанной им на смерть Н.В. Гоголя и связанных с ней событиями. В последних числах февраля 1852 г., находясь в зале Дворянского собрания, И.С. Тургенев услышал от И.И. Панаева о смерти Н.В. Гоголя: «А ты знаешь, Гоголь помер в Москве. Как же, как же... Все бумаги сжег – да помер». «Уже несколько дней, – продолжает мемуарист, – в Петербурге ходили темные слухи о болезни Гоголя; но такого исхода никто не ожидал. Под первым впечатлением сообщенного мне известия я написал следующую небольшую статью...» [15, с. 72]. История этой публикации и связанные с ней проблемы уже описаны в научной литературе [3, 5, 10, 16].

В сопроводительном письме к Е.М. Феоктистову, пересылая ему материал о смерти Гоголя, Тургенев заметил: «Я не знаю, как они вышли, но я плакал навзрыд, когда писал их» [14, с. 49]. Автор, введя ее полный текст в свой мемуарный очерк о Н.В. Гоголе, сделал ее частью этого произведения, так она печатается в собраниях сочинений писателя. «Гоголь умер! Какую русскую душу не потрясут эти два слова? Он умер. Потеря наша так жестока, так внезапна, что нам все еще не хочется ей верить... Человек, который своим именем означил эпоху в истории нашей литературы; человек которым мы

гордимся как одной из слав наших! Он умер, пораженный в самом цвете лет, в разгаре сил своих, не окончив начатого дела, подобно благороднейшим из его предшественников...» [15, с. 72]. В статье есть немало фрагментов, которые свидетельствуют о расхождениях с Н.В. Гоголем и тем кругом, к которому он принадлежал, но И.С. Тургенев поднимался над ними, стремясь по достоинству оценить место писателя в литературе.

Образ Н.В. Гоголя в «Литературных и житейских воспоминаниях» И.С. Тургенева создан с замечательным писательским мастерством. Ему удалось передать особенности внешности Н.В. Гоголя, его манеру говорить, а главное – запечатлеть его точку зрения на собственное творчество. Противопоставляя черты внешности друг другу и передавая в целом негативное отношение к облику писателя, И.С. Тургенев сумел создать образ тревожного и не вполне уверенного в себе человека, противоречивой личности, которой, однако, характерны определенные убеждения, несомненная талантливость, вера в огромные возможности русской литературы.

Литература

1. Айзеншток И.Я. Гоголь в Петербургском университете. Вестник ЛГУ. 1952. № 3. С. 17–28.
2. Анненков П.В. Литературные воспоминания. Москва: Гослитиздат, 1960. 684 с.
3. Бельчиков Н.Ф. К истории письма “Письма из С-Петербурга” о смерти Гоголя. Москва. 1903. Вып.2. С. 160–164.
4. Бескина А. Тургенев-мемуарист. Тургенев И.С. Литературные и житейские воспоминания. Ленинград: Изд. писателей, 1934. С. 5–34.
5. Выгонская Т.А. Образ Гоголя в “Литературных и житейских воспоминаниях”. Наукові записки ХДПУ. Серія літературознавство. 2001. Вип. 2(29). С. 63–70.
6. Гоголь в воспоминаниях современников. Москва: Гослитиздат, 1952. 719 с.
7. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Москва: Изд. АН СССР, 1937– 1952. Т. 10. 1938. 431 с.
8. Дружинин А.В. Литературная критика. Москва: Советская Россия, 1985. – 384 с.

9. Мордовченко Н.И. Гоголь в Петербургском университете Учен. зап. ЛГУ. Серия филологических наук. 1939. Вып. № 46. С. 355–359.
10. Назарова Л.Н. Тургенев о Гоголе. Русская литература. 1959. № 3. С. 155–158.
11. Никитенко А.В. Дневник: в 3 т. Москва: Гослитиздат, 1955–1956. Т. 1. 1955. 652 с.
12. Островский А. «Воспоминания» Тургенева в полемике шестидесятих годов. Тургенев И.С. Литературные и житейские воспоминания. Ленинград, 1934. С. 35–52.
13. Тургенев И.С. Литературные и житейские воспоминания. Ленинград: Изд. писателей, 1934. 347 с.
14. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Москва, Ленинград: Изд. АН СССР, 1978–1990. Т. 2.
15. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва, Ленинград: Изд. АН СССР, 1960–1968. Т. 14.
16. Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы. Москва: Гослитиздат, 1953. 424 с.
17. Щепкин М.С. Записки. Письма. Москва: Искусство, 1952. 372 с.

Анотація

Я.В. Гуртова. Особливості образу М.В. Гоголя у спогадах І.С. Тургенєва

Стаття присвячена осмисленню образу М.В. Гоголя у спогадах І.С. Тургенєва. Метою даної статті є встановлення особливостей образу М.В. Гоголя, створеного у «Літературних та життєвих спогадах». Образ М.В. Гоголя у «Літературних та життєвих спогадах» створений І.С. Тургенєвим із чудовою письменницькою майстерністю. Йому вдалося передати особливості зовнішності М.В. Гоголя, його манеру говорити, а головне – відобразити його точку зору на власну творчість. Протиставляючи риси зовнішності один одному і передаючи в цілому негативне ставлення до зовнішності письменника, І.С. Тургенєв зумів створити образ тривожної і не цілком упевненої в собі людини, суперечливої особистості, якої, однак, характерні певні переконання, безсумнівна талановитість, віра у величезні можливості російської літератури.

Ключові слова: образ, спогади, портрет, мемуарний нарис, риси.

Аннотация

Я.В. Гуртовая. Особенности образа Н.В. Гоголя в воспоминаниях И.С. Тургенева

Статья посвящена осмыслению образа Н.В. Гоголя в воспоминаниях И.С. Тургенева. Целью данной статьи является установление особенностей образа Н.В. Гоголя, созданного в «Литературных и житейских воспоминаниях». Образ Н.В. Гоголя в «Литературных и житейских воспоминаниях» создан И.С. Тургеневым с замечательным писательским мастерством. Ему удалось передать особенности внешности Н.В. Гоголя, его манеру говорить, а главное – запечатлеть его точку зрения на собственное творчество. Противопоставляя черты внешности друг другу и передавая в целом негативное отношение к облику писателя, И.С. Тургенев сумел создать образ тревожного и не вполне уверенного в себе человека, противоречивой личности, которой, однако, характерны определенные убеждения, несомненная талантливость, вера в огромные возможности русской литературы.

Ключевые слова: образ, воспоминания, портрет, мемуарный очерк, черты.

Summary

Y.V. Gurtova. The peculiarities of N.V. Gogol's image in I.S. Turgenev's memoirs

The article is devoted to the comprehension of N.V. Gogol's image in I.S. Turgenev's memoirs. The purpose of this article is to establish the peculiarities of N.V. Gogol's image, created in "The literary and worldly memoirs." N.V. Gogol's image in «The literary and worldly memoirs» is created by I.S. Turgenev with remarkable writing skills. He managed to convey the features of N.V. Gogol's appearance, his manner of speaking, and the most important – to portray his point of view on his own creativity. Contrasting the features of appearance to each other and conveying a generally negative attitude to the image of the writer, I.S. Turgenev managed to create the image of an anxious and not completely self-confident person, a contradictory personality, which, however, is characterized by certain beliefs, undoubted talent, and the belief in the enormous possibilities of Russian literature.

Key words: image, memoirs, portrait, memoir essay, features.

Інформація про автора

Гуртова Яніна Віталіївна – ORCID: 0000-0002-4973-3366; кандидат філологічних наук, доцент кафедри англійської філології Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди; вул. Валентинівська, 2, м. Харків, 61168, Україна.